

Источники и литература

1. Дьяков, Ю. Л. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. / Ю. Л. Дьяков, Т. С. Булшуева. – М. : Советская Россия, 1992. – 384 с.
2. Евдокимова, Т. В. Вальтер Ратенау – человек, опередивший время / Т. В. Евдокимова. // *Historia Provinciae* – Журнал региональной истории. – 2018. – Т. 2. – № 2. – С. 13–30.
3. Евдокимова, Т. В. Убийство Вальтера Ратенау и первые отклики на него / Т. В. Евдокимова. // *Клио. Журнал для ученых*. – 2003. – № 3 (22). – С. 44–48.
4. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений (ПСС) / В. И. Ленин : в 55 т. – М. : Издательство политической литературы, 1970. – Т. 45. – С. 536.
5. Ленин, В.И. ПСС / В. И. Ленин : в 55 т. – М. : Издательство политической литературы, 1967. – Т. 9. – С. 201–204.
6. Лыпка, Т. И. Государственно-правовое регулирование германской экономики в условиях войны (1914–1918 гг.) / Т. И. Лыпка. // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. – 2008. – № 3–1. – С. 27–33.
7. Меркель заявила о необходимости диалога с Россией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20211105/merkel-1757817414.html>. – Дата доступа: 30.04.22.
8. Ратенау, В. Новое государство / В. Ратенау. – М. : Берег, 1922. – 42 с.
9. Российский государственный военный архив в документах и материалах (1920–2020 гг.) / отв. ред. В. П. Тарасов; сост.: В. И. Коротаев, Л. Г. Костарева, И. В. Успенский; археографическая обработка документов: И. С. Месяц. – М. : Фонд «Связь Эпох», 2020. – 864 с.
10. Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сб. документов : в 2 т. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 2: (1919–1922 гг.). – 596 с.
11. Хавкин, Б. Л. Жизнь за примирение. К 100-летию Рапалльского договора и убийства Вальтера Ратенау / Б. Л. Хавкин. // *НВО*. – 2022. – № 14. – С. 14–15.
12. Хавкин, Б. Л. Российское зеркало германской истории. XX век / Б. Л. Хавкин, К. Б. Божик. – М. : Новый хронограф, 2021. – 367 с.
13. Elon, A. *The Pity of It All: A Portrait of Jews In Germany 1743–1933* / A. Elon. – London : Picador, 2003. – 464 p.
14. Haffner, S. *Die Erinnerungen 1914–1933. Geschichte eines Deutschen* / S. Haffner. – Stuttgart-München : Verlags-Anstalt, 2001. – 239 s.
15. Rathenau, W. *Die neue Gesellschaft* / W. Rathenau. – Berlin : S. Fischer, 1919. – 101 s.
16. Rathenau Walther. *Industrialist, Banker, Intellectual, and Politician: Notes and Diaries 1907–1922* / Ed. by Hartmut Pogge von Strandmann. – Oxford University Press, 1985. – 360 p.
17. Schölzel, C. *Walther Rathenau. Eine Biographie* / C. Schölzel. – Paderborn, 2006. – 652 s.

УДК 94:327(410:438)«1929-1933»

Е. Н. Дубровка
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

МЕСТО ПОЛЬШИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ (ПОЗИЦИЯ ВТОРОГО ЛЕЙБОРИСТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА)

В статье на основе анализа историографии и британских документальных источников охарактеризована оценка места Польши в европейских отношениях со стороны второго лейбо-

ристского кабинета Р. Макдональда. Показано, что на неё оказывали влияние и позиции Форин оффис, и идейные установки лейбористов. Обозначены основные аспекты этой оценки, включая межгосударственные отношения, внутривнутриполитическое положение Польши, её военный потенциал.

В Центрально-Восточной Европе на протяжении всего межвоенного периода сохранялись напряжённые межгосударственные отношения, что привлекало внимание ключевых подписантов Версальских соглашений, особенно Франции и Великобритании. Названные государства рассматривали этот регион с точки зрения собственных политических и экономических интересов. Их позиция учитывалась при выстраивании внешней политики странами региона, ищущими международной поддержки, что делало её важным фактором межгосударственных отношений в этой части Европы.

В представленной статье сделана попытка охарактеризовать позицию второго лейбористского правительства Великобритании, находившегося у власти с июня 1929 по август 1931 г., по вопросу оценки места Польши в межгосударственных отношениях в Европе. Актуальность заявленной цели связана с объективным интересом белорусского общества к ставшим национальной трагедией событиям Второй мировой войны. Её причины непосредственно связаны с обострением межгосударственных отношений в условиях экономического кризиса рубежа 1920-х – 1930-х гг., а начало военных действий в Европе – с положением Польши. Учёт этого исторического опыта призван помочь белорусскому обществу и государству выстроить внешнеполитическую линию, адекватную вызовам современного мира.

В отечественной историографии история внешней политики Великобритании в межвоенные годы была предметом непосредственного интереса советского историка В. Г. Трухановского [1], находила фрагментарное отражение в исследованиях, посвящённых другим сюжетам дипломатической истории [2]. Однако отдельно внешняя политика лейбористов в Центрально-Восточной Европе не анализировалась. В работах британских авторов традиционно выделены лишь основные направления внешней политики лейбористов: Германия, СССР, США, Египет, Китай; а также позиция в ходе важных международных событий (Гаагская конференция 1929 г., Лондонская морская конференция 1930 г.) [3]. В российской историографии наиболее полно британская европейская политика получила освещение в работах Н. Капитоновой [4], С. Демидова [5], но её центрально-восточноевропейский вектор не был основным предметом исследования. Больше внимание этому вектору уделили польские историки, без акцентирования на характеристике позиции лейбористов [6; 7].

Основная источниковая база статьи – документы делопроизводства Кабинета и Форин оффис, дипломатическая переписка.

Второе лейбористское правительство в Великобритании было сформировано 5 июня 1929 г. во главе с Р. Макдональдом. Это был не первый опыт взаимодействия польских политиков с лейбористами. В 1924 г. Кабинет Р. Макдональда уже был у власти. Ещё в начале 1920-х гг. в памфлете лейбориста А. Гендерсона, который в 1929 г. возглавит Форин оффис, были обозначены принципы внешней политики лейбористов: «Нашей целью будет не просто предотвращение войны, но позитивная организация мира во всем мире. Мы не будем заключать никаких секретных соглашений. Мы будем выступать против попыток эксплуатации подвластных народов или неразвитых стран, придавая полную огласку фактам. Мы будем стремиться не к созданию какой-либо верховной власти или мирового государства, а к сотрудничеству государств на равных в преодолении таких зол, как голод и болезни, и в освоении всех ресурсов мира для использования его народами» [8, р. 123].

В реальности, оказавшись у власти в 1924 г., лейбористы отказались от радикального разрыва с политикой предшественников-консерваторов, полагались во многом на аппарат Форин оффис и постоянного заместителя, работающего вне зависимости от партийного состава Кабинета. Лишь некоторое своеобразие политики определялось влиянием идейных взглядов партии. Так Р. Макдональд основной задачей называл улучшение

ние атмосферы в межгосударственных отношениях: он способствовал преодолению репарационного кризиса на основе т. н. «плана Дауэса». В сентябре 1924 г. на заседании Ассамблеи Лиги наций Р. Макдональд предложил создать систему международного арбитража, принять Германию в Лигу наций и выдвинул инициативу созыва конференции по разоружению. В итоге этих инициатив был представлен «Протокол о мирном урегулировании международных споров» (или Женевский протокол – Е. Д.). В разработке его текста принял участие А. Гендерсон. Второе известное направление внешней политики лейбористов – заявление 1 февраля 1924 г. о юридическом признании СССР и подписание двумя странами общего и торгового договоров [9, с. 439; 4, с. 326–334].

Оба эти направления деятельности лейбористов вызывали опасения у польских политиков о том, что Польше не будет места в новых комбинациях, направленных на нормализацию отношений с Германией и СССР. С другой стороны, Польша могла воспользоваться своим географическим положением и претендовать на роль посредника в торгово-экономических отношениях. Шаг в этом направлении представляла из себя ратификация англо-польского торгового договора в 1924 г. Однако в Великобритании немногие дипломаты и публицисты выступали за более тесные связи с Польшей, причём и они видели в этом государстве лишь «ведомого», что вызывало неприязнь в Польше [6, s. 39–80]. Общая оценка положения Польши, которую констатировали сотрудники британского ведомства внешней торговли, не способствовала активизации экономических связей. Подчёркивалось, что торговле с Польшей и Румынией, готовым закупать локомотивы и подвижной состав, нанесён большой ущерб политической ситуацией – «возможностью аннексии Бессарабии Россией» (в связи с польско-румынским договором 1921 г. – Е.Д.) [10, p. 417–419]. В целом, англо-польского сближения при лейбористах в 1924 г. не произошло.

После того как 5 июня 1929 г. лейбористский кабинет принял власть, в Польше усилились опасения, что новое правительство будет более благосклонно к немецкому ревизионизму [6, s. 224]. Предпосылкой тому были высказывания лидера партии Р. Макдональда периода весны 1926 г., когда обсуждался вопрос о предоставлении Германии постоянного места в Совете Лиги, против чего активно выступала Польша. Он указывал, что понимает «сложное положение Польши», но при этом «приветствовал бы радостно компромисс без победителя и побежденного» [11, s. 578]. То есть он однозначно не выступил в поддержку позиции польских дипломатов. Прогерманский характер левой прессы на рубеже 1920-х – 1930-х гг. отмечал в своих воспоминаниях и польский дипломат Э. Рачинский [12, s. 1].

Ряд шагов лейбористских политиков на международной арене подтверждали справедливость вышеозначенных опасений Польши. Так ещё в июне 1924 г. в ходе работы сессии Совета Лиги при обсуждении вопроса о защите национальных меньшинств британские члены соответствующей комиссии приняли активное участие в решении вопроса о выплате компенсаций немцам, чьё имущество было экспроприровано в Польше, при этом учитывалась позиция немецкой стороны. Также они пристально следили за обсуждением вопроса о правах немецких граждан, проживавших в Польше [13, p. 45–46]. Можно также отметить позицию Великобритании в ходе первой конференции в Гааге в августе 1929 г., когда она поддержала принятие «плана Юнга» и договорённость о досрочной эвакуации Рейнской области до июня 1930 г., то есть на пять лет раньше срока, установленного Версальским договором, против чего активно выступала Польша. Попытки же Польши включить германо-польское соглашение об отказе обеих стран от финансовых претензий (ликвидационное) в окончательный протокол второй Гаагской конференции осенью 1929 г. не увенчались успехом. Он вошёл лишь в перечень документов конференции [6, s. 273]. Единственным реверансом в сторону Польши было окончательное решение вопроса, поставленного ещё при консерваторах, о повышении ранга представительства в Польше до посольства, о чём говорилось в официальном коммюнике 18 октября [7, s. 333].

В первом квартале 1930 г. на Великобританию распространился мировой экономический кризис, внимание Кабинета начали преимущественно занимать экономические

проблемы. Однако те вопросы международных отношений, где ситуация могла обостриться, оставались под контролем. В рамках польского вектора велось наблюдение прежде всего за польско-советскими и польско-германскими отношениями. В отношении первых британские дипломаты из Москвы писали о том, что СССР сосредоточен на внутренней экономической политике «аграрной революции», и если он обратится ко внешней, то первой целью будет Бессарабия. Особого интереса с советской стороны к Польше пока не наблюдалось [14, р. 97–99]. Также констатировалось, что СССР опасался обострения отношений, так как оно могло помешать завершить пятилетний план. Отношения между Россией и Польшей характеризовались как «громогласно-сварливое состояние», в сохранении которого уверена польская сторона [14, р. 121–123]. В польско-германских отношениях наблюдались признаки улучшения: 1 марта 1930 г. был подписан германо-польский торговый договор, польский министр иностранных дел А. Залеский в марте выступал в Сейме с речью, в которой заявил о необходимости улучшения германо-польских отношений и Сейм ратифицировал ранее отсроченные соглашения с Германией [15, с. 126–127]. Эти шаги были положительно оценены в британской прессе [2, с. 149–150].

Оценки со стороны британского истеблишмента места Польши в европейских отношениях иногда находили отражение в выступлениях политиков по абсолютно разным вопросам. Например, на заседаниях Кабинета в мае 1930 г. обсуждался проект строительства туннеля через пролив. В условиях обострения отношений между странами в период экономического кризиса Кабинет выступил против этого проекта. Акцент делался на том, что туннель создаст угрозу безопасности Великобритании, так как протяженные общие границы и простота коммуникаций через них не способствуют международной дружбе. В подтверждение этого тезиса был особо выделен пример районов Польши «где национальности фактически перемешаны, ненависть достигает своего максимума». При этом даже заключённые договора не предотвращали агрессии, что подтверждено примером польской оккупации Вильно. С другой стороны, отмечалось, что расстояние в международных отношениях, «по-видимому, придает очарование взгляду. Давняя дружба и взаимное восхищение существовали между Францией и Россией, Францией и Польшей» [16, р. 230–233]. Союзные отношения между Францией и Польшей в военной сфере косвенно подтверждались сведениями о военных программах разных стран. В частности, в сентябре 1930 г. первый лорд Адмиралтейства, информируя коллег по этому вопросу упомянул заказанные Францией три подводных лодки для Польши [17, р. 240–249].

Летом 1930 г. польско-германские отношения ухудшились, что спровоцировало вмешательство британских дипломатов на местах. Министр без портфеля в кабинете Г. Брюнинга Готфрида Тревиранус в своём выступлении от 10 августа упомянул «неисцелённую рану на востоке», намекнув тем самым на «польский коридор», предсказал, что будущее Польши неустойчиво без пересмотра границ. Уже 13 августа британский посол в Берлине Г. Рамбольд писал А. Гендерсону об острой критике по отношению к этому высказыванию. В связи с ней немецкий политик дал интервью по радио, в котором подчёркивал, что речь не шла о ревизии восточных границ силовыми средствами, «несправедливость границ может быть исправлена лишь мирными средствами, но Германия не может отказаться от требования равноправного, честного и открытого соглашения». Г. Тревиранус выразил удивление, что его замечания вызвали такую реакцию, которое, впрочем, британский дипломат не считал искренним [18, р. 495–496]. Эта ситуация вызвала болезненную реакцию в Польше, в частности, А. Залеский сообщил немецкому посланнику там, что они были покушением на территориальную целостность польского государства. В этих обстоятельствах Г. Рамбольд обратился за комментарием к министру иностранных дел Германии. Тот сказал, что Г. Тревиранус не ознакомил предварительно министерство со своей речью и допустил, что эта предвыборная речь, как и другие, может быть довольно воинственной [18, р. 496]. Английский посол допускал, что Г. Тревиранос «лишь выразил мнение, которое поддерживал каждый немец по отношению к неудовлетворительному, невыносимому характеру немец-

кой восточной границы». По мнению Г. Рамбольда, эта речь подтверждала мнение британского Форин оффис о том, в каком порядке Германия будет решать внешнеполитические проблемы: первым по степени важности и неотложности будет изменение германо-польской границы, потом – перевооружение, чтобы достичь как минимум паритета с Польшей, далее – аншлюс Австрии, наконец – получение колоний и мандатов, чтобы восстановить статус мировой державы. По мысли Г. Рамбольда, подобные заявления делаются, чтобы поставить насущные для них вопросы как можно раньше, однако они, наоборот, обостряют обстановку и создают неблагоприятные условия для политического решения вопросов, упомянутых выше [18, р. 499–501]. То есть британские дипломаты, по сути, признавали в германо-польских отношениях две объективные проблемы, выражая лишь недовольство тактикой, которой придерживались немецкие политики в попытках их решения.

Давая итоговую оценку международного положения Польши в начале 1931 г., британский посол в Варшаве У. Эрскин констатировал его ухудшение по двум параметрам: ухудшение германо-польских отношений в связи с ситуацией, описанной выше, а также охлаждение франко-польских отношений в условиях досрочного вывода французских войск из Рейнской области [7, s. 339]. 1931 г. принёс новые признаки охлаждения франко-польских отношений: в июле британский посол в Москве Э. Овей информировал о беседе с М. Литвиновым по вопросу советско-французских переговоров о пакте о ненападении (будет подписан осенью 1932 г. – Е. Д.). Британский дипломат поинтересовался не последует ли польско-советский договор о ненападении и со слов М. Литвинова сообщал, что он не ожидается, но «теперь Франция не сможет больше вмешаться, если Польша нападёт» [14, р. 216–217].

Возвращаясь к оценке У. Эрскина, можно отметить, что он также констатировал ухудшение англо-польских отношений. Оно было связано с ростом интереса отдельных слоёв британского общества к внутренней жизни Польши, где разрастался конфликт между сеймом и правительством, за которым стоял Ю. Пилсудский. Этот интерес подогревался появлением в Великобритании антипольских анонимных изданий, в которых критиковалась польская система правления, действия Ю. Пилсудского, вновь подчёркивалась «проблема коридора». Подобные издания очень беспокоили польских дипломатов [2, с. 116].

В октябре 1930 г. в Польше прошли выборы в Сейм, где победу одержали сторонники правительства. При этом и посол У. Эрскин, и Форин оффис признавали, что выборы прошли с нарушениями. Тем не менее, их результат признан был удовлетворительным, после чего проблемы демократии в Польше не были объектом интереса правительственных кругов Великобритании. Но методы, которые использовал Пилсудский для преследования своих политических противников, вызвали рост разочарования в нём даже среди тех, у кого он ранее вызывал симпатию, нанесли удар по его репутации [7, s. 340–344]. Ещё один блок информации, которая не способствовала улучшению имиджа Польши в глазах британского истеблишмента, – вопрос о положении национальных меньшинств, в частности её репрессивная политика в отношении украинцев в Галиции и немцев в Верхней Силезии. Последняя спровоцировала жалобу немцев в Лигу наций в январе 1931 г. В итоге в среде лейбористов симпатии к Польше снизились. Было принято решение поднять этот вопрос в Совете Лиги. В апреле 1931 г. комитет во главе с А. Гендерсеном выступил с осуждением Польши [7, s. 345].

В такой обстановке в Польше росли опасения, что британские политики всё более склоняются к ревизии германо-польской границы с целью снижения риска разрастания конфликта в германо-польских отношениях. Весной 1931 г. польский посол К. Скирмунт обеспокоенно писал из Лондона о муссировании в британской прессе вопроса территориальных уступок со стороны Польши [2, с. 151]. Не способствовали преодолению этих опасений и итоги личных бесед польских дипломатов с английскими коллегами. Например, в июне 1931 г. К. Скирмунт выразил в личной беседе с заместителем главы внешнеполитического ведомства Великобритании Р. Ванзитартом озабоченность деятельно-

стью организации «Стальной шлем» и поощрении её со стороны немецкого правительства. В ответ британский дипломат указал послу на неспособность немецкого правительства остановить эту деятельность, охарактеризовав текущее правительство Германии как лучшее с точки зрения способности поддерживать равновесие. При этом в отчёте А. Гендерсону он соглашался, что немецкое правительство приветствует деятельность «Стального шлема» [19, р. 68–69]. Когда же польский посол привлёк внимание главы Форин оффис к неудовлетворительному состоянию германо-польских экономических отношений, указал на отказ Германии возобновить торговое соглашение и просил оказать влияние на Германию, А. Гендерсон заявил, что в ответ Польша должна смягчить свою позицию по вопросу о положении немецкого меньшинства в Польше [19, р. 150]. Как видно, ни одно из обращений Польши не находило сочувствия у британских дипломатов.

В условиях экономического кризиса, спровоцировавшего рост реваншизма и агрессивных настроений, востребованным для Кабинета было мнение военного ведомства. В марте 1931 г. его глава Томас Шоу представил меморандум с оценкой ситуации в Европе. Основной тезис состоял в том, что в Европе доминировали три большие военные проблемы: франко-германская, франко-итальянская и российская проблема. При рассмотрении первой из них автор высоко оценивал возможности французской армии, а также потенциал её союзников. В этой оценке Польша представлена как «военный вассал» Франции, участница сети её военных союзов, нацеленных на формирование вокруг Германии «стального кольца». В случае франко-германского конфликта большая часть польской армии должна была быть вовлечена в наблюдение за действиями России, как и Румыния на своём фланге. Общая ситуация описывалась следующим образом: «Сегодня в Европе нет ничего более очевидного, чем постепенное появление ревизионистского блока держав, состоящего из бывших вражеских государств и Италии в противовес Франции и её сателлитам». Говоря о позиции своей страны, Т. Шоу отмечал, что значение подписи Великобритании в Локарнских соглашениях скорее моральное, так как быстро мобилизовать сколько-либо значительные силы она неспособна. Однако автор меморандума приходил к выводу, что на текущий момент Франции с её военным потенциалом, сетью союзов и военным бессилием Германии из-за договорных ограничений, как и «её сателлитам» фактически нечего бояться Германии, и с военной точки зрения они значительно перестрахованы. «У войны, которую бы развязали объединенные Италия и Германия, в частности Германия, освобожденная от ограничений мирных договоров, против Франции было бы больше шансов на успех. Но и в таком случае, при условии, что французские союзники останутся непоколебимыми, трудно предвидеть успешный результат, за исключением варианта более отдаленного будущего, если Германия снова станет великой военной державой» [20, р. 454–455].

Таким образом, характеризуя оценку места Польши в европейских отношениях со стороны второго лейбористского кабинета, нужно отметить, что она формировалась под влиянием как позиции профессиональных дипломатов Форин оффис, так и идейных установок лейбористов. Традиционно выделялись такие элементы как польско-германские, польско-советские, польско-французские и польско-литовские отношения; уделено внимание таким аспектам, как внутривнутриполитическая ситуация в Польше, её военный потенциал.

Источники и литература

1. Трухановский, В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939) / В. Г. Трухановский. – М. : Изд-во Ин-та международных отношений, 1962. – 412 с.

2. Климовский, Д. С. Германия и Польша в локарнской системе европейских отношений (Из истории зарождения Второй мировой войны) / Д. С. Климовский. – Минск : Изд-во БГУ, 1975. – 288 с.

3. Cariton, D. MacDonalld versus Henderson: the foreign policy of the second Labour Government / D. Cariton. – London : Macmillan, 1970. – 239 p.
4. Капитонова, Н. К. История внешней политики Великобритании / Н. К. Капитонова, Е. В. Романова. – М. : Международные отношения, 2016. – 840 с.
5. Демидов, С. В. Внешняя политика и дипломатия Великобритании между двумя мировыми войнами / С. В. Демидов. // Актуальные проблемы истории Великобритании XVII–XX веков. – Рязань : Издательство «Концепция», 2017. – С. 98–136.
6. Nowak-Kielbikowa, M. Polska-Wielka Brytania w dobie zabiegów o bezpieczeństwo w Europie, 1923–1937 / M. Nowak-Kielbikowa. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. – 588 s.
7. Piszczkowski, T. Anglia a Polska, 1914–1939. W świetle dokumentów brytyjskich / T. Piszczkowski. – Londyn : Oficyna Poetów i Malarzy, 1975. – 456 s.
8. Henderson, A. The character and policy of the British Labour party // The international journal of ethics – 1922. – January. – P. 119–123.
9. Кертман, Л. Джозеф Чемберлен и сыновья / Л. Кертман. – М. : Мысль, 1990. – 546 с.
10. Cabinet Papers (CP) № 301(24) – 400(24). (14.5.24. – 14.7.24.) // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/cabinet-papers-1915-1984>. – Date of access: 18.02.2024.
11. Depesze Poselstwa Rzeczypospolitej Polskiej w Londynie / opr. Rojek W. [i inn.] : w 2 t. – Kraków : Polska Akademia Umiejętności, 2019. – Т. 2. – 636 s.
12. Raczynski, Ed. In allied London / Ed. Raczynski. – London : Wiedenfeld and Nicolson, 1962. – 381 p.
13. CP №4 01 (24) – 500 (24) . (16.7.24. – 19.11.24) // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/cabinet-papers-1915-1984>. – Date of access: 18.02.2024.
14. Documents on British foreign policy (далее DBFP) 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London, 1958. – Vol. 7. – 808 p.
15. Мельтюхов, М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. / М. И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2001. – 460 с.
16. CP № 151 (30) – 200(30); dated 9.5.30. to 6.6.30 // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/cabinet-papers-1915-1984>. – Date of access: 18.02.2024.
17. CP № 301 (50) – 350(30); dated 11.9.30 to 20.10.30 // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/cabinet-papers-1915-1984>. – Date of access: 18.02.2024.
18. DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E.L. Woodward. – London, 1946. – Vol. 1. – 603 p.
19. DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E.L. Woodward. – London, 1947. – Vol. 2. – 525 p.
20. CP №51(31) – 100(31), dated 17.2.31 to 14.4.31 // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/cabinet-papers-1915-1984>. – Date of access: 18.02.2024.

УДК 94:323.11:316.334.55(476.2+470.319)«193»

М. И. Старовойтов
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

**ТИТУЛЬНЫЕ ЭТНОСЫ В СОСТАВЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ГОМЕЛЬСКОЙ И ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ НАКАНУНЕ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)**

Ретроспективное историко-сравнительное изучение социокультурных проблем села, на примере белорусско-российского пограничья имеет важное значение для понимания современных